

ЮРИИ ПОЛЯКОВ: «ПЕРВЫЕ СЕКРЕТАРИ БЫЛИ ДЕБИЛАМИ»

**Знаменитый писатель
подвергался цензуре
и в советские, и в нынешние
времена**

ИЗВЕСТНОСТЬ молодому писателю Юрию Полякову принесли повести «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа». Прошли годы, и бывший оппозиционер возглавил «Литгазету» и даже стал членом Президентского совета по культуре. Наш разговор с Юрием Михайловичем мы начали с печально-трогательного ЧП районного масштаба - пропажи коробки с частью кинокартины «Замыслил я побег». Этой картиной, снятой по повести Юрия Полякова, открывался Гатчинский фестиваль «Литература и искусство».

Цензура вечна

- Коробку нашли. Это просто накладка. Никакого злого умысла. Другое дело, когда при демонстрации 8-серийной версии «Побега» на Первом канале по личному указанию Константина Эрнста из картины были вырезаны все острые политические сцены.

- Так и хочется воскликнуть: а как же демократия, гласность?

- Какая демократия?! О чем вы?! Меня в этом вопросе вот что возмущает. Когда цензура является функцией государства, я с этим могу еще смириться. Но когда цензура является просто личной перестраховкой какого-то, в данном случае не самого выдающегося, функционера, это у меня вызывает глубочайшее возмущение. Вы же знаете, я всегда в своих работах, начиная с самых ранних, критиковал подобных функционеров. Но это еще что! За день до премьеры спектакля «Хомо Эректус» в Московском театре сатиры мне позвонил режиссер Андрей Житинкин: «Управление культуры затребовало текст «Эректуса»! Приказано прекратить репетиции, пока чиновники не прочитают и не одобряют пьесу». «Ну и чем ты меня испугал? - сказал я опять же совершенно спокойно. - Тем, что вернул меня во времена моей юности?!» Тогда главный редактор журнала «Юность» Андрей Дементьев тоже три раза снимал мою повесть «ЧП районного масштаба».

- Вы хотите сказать, что в плане цензуры ничего не изменилось?

- Я на все это смотрю спокойно. Потому что, если писатель в своих произведениях ставит острые вопросы, если пытается разрушить какую-то традиционную мифологию, он всегда встречает сопротивление. Абсолютно неважно, кто в это время у власти - коммунисты, антикоммунисты, демократы, либералы. В Америке Фила Донахью за критику войны в Ираке отстранили от эфира. Ну и что? Это нормально. Если ты серьезный художник и в художественном анализе жизни опережаешь свое время, то всегда столкнешься с сопротивлением. Другой вопрос, в каком виде придет к тебе

сопротивление. В виде упертого цензора советских времен или в виде длинноволосого Эрнста. Что более неприятно.

Одна книга важнее ста фильмов

- Многие ваши произведения экранизированы...

- Все, кроме двух...

- ...И что же для вас важнее - литература или кино?

- Литература, конечно.

- Может быть, именно по-

произведений, которые становятся объектом вернисажа, это уже не отдых, а ответственность. В любой области нужно быть профессионалом. Я был одним из авторов сценария «Ворошиловского стрелка». И Станислав Говорухин предложил: «Давай, Юра, мы с тобой напишем пьесу!» Написали, пьеса называется «Контрольный выстрел». А потом он мне все время говорил: «А давай вместе ставим! Чего тут! Ты же автор!» Вот тут я сказал: «Нет, Станислав Сергеевич, режиссер - это другая профессия». В результате Говорухин сам пос-

этому литературу всегда выделяли из искусства? Говорили: литература и искусство.

- Правильно выделяли. Ведь что лежит в основе кино? Сценарий. Нет сценария - не будет кино. Я сам сколько раз сталкивался с тем, что талантливый режиссер берется писать сценарий и все заканчивается катастрофой. Кино не получается! А театр? Нет пьесы - нет театра.

- А как же Гришковец? Он же вначале играет свои спектакли, а потом уже фиксирует на бумаге.

- Гришковец? В годы советской власти была такая исполнительница коротких рассказов Елизавета Ауэрбах. Просто никому в голову не приходило сравнивать Елизавету Ауэрбах с Виктором Розовым или Михаилом Рошным. Розов, Рошин, Володин - драматурги, а Гришковец - автор-исполнитель своих рассказов. Не более того. Это мое личное мнение. Я горд и счастлив, что судьба наградила меня именно литературными способностями. В российской культуре писателем быть более почетно и ответственно. Все идеи - политические, нравственные - входили в наше общество через литературу.

Пусть Войнович рисует, но только для себя

- Юрий Михайлович, а вам никогда не хотелось стать режиссером?

- Ни в коем случае! Когда я вижу очень слабые живописные работы Владимира Войновича, мне становится грустно. Человек, не сделавший всего, что мог, в литературе, вдруг взялся за кисть. Я тоже занимался живописью. Ну и что?

- Владимир Николаевич говорит, что за мольбертом он отдыхает.

- Если ты отдыхаешь, то твои полотна должны висеть где-нибудь у тебя... на даче!

- Наверное, Войнович не так плох, если одну из его работ приобрел Русский музей?

- В том-то и дело! Создание

тавил «Контрольный выстрел» во МХАТе имени Горького, у Дорожиной.

- Когда вы появляетесь на съемочной площадке, вам хочется вмешаться в процесс?

- Я никогда не вмешиваюсь в работу режиссера. Несмотря на то что были случаи, когда режиссеры просто забыли мою работу. Например Хусейн Эрменов, экранизовавший «Сто дней до приказа». Были случаи, когда меня что-то раздражало. Сергеем Снежкиным я говорил: «Сергея, не нужно столько эротических сцен!» Но я отлично понимаю: как только мой текст попадает в руки режиссера, начинается совсем другое искусство.

Единственная роль - пьяный писатель

- А в кадр войти вам не хотелось?

- В картине «Козленок в молоке» я позволил себе сняться в роли пьяного писателя. Это единственный мой вклад в кинематограф.

- Как часто совпадают ваше видение героя и режиссерское?

- Отбирая актеров для фильма «Козленок в молоке», мы пересмотрели, наверное, двадцать главных героев - двадцать Витков! Когда постановщик Кирилл Мозгалецкий привел ко мне Семчева, я сказал: «Ну уж кого угодно я мог себе представлять, но только не Семчева». Но после третьего просмотра фильма я уже начал думать: «Наверное, Витек такой и был». А первым секретарем райкома в «ЧП районного масштаба» никого другого, кроме Игоря Бочкина, я теперь себе не представляю. Хотя, когда мне тот же Снежкин показал Бочкина в первый раз, я сказал: «Откуда ты взял этого дебила?! Такого первого секретаря быть не может!» А потом, разъезжая по стране с этим фильмом, я встречался именно с такими секретарями. В антропологическом плане Снежкин оказался более точен.

Владимир ЖЕЛТОВ
Фото Павла СМОЛЯКА

Поляков Юрий
9.08.2005